

ПЬЕР ЖОАННОН

Они бродили по улочкам Антиба и Жуан-ле-Пена¹

Перевод Ирины Волевич

АНТИБ долго был Золушкой французской Ривьеры, миражом с неясными очертаниями, маячившим над безмятежными водами залива Жуан, между английскими Каннами и русской Ниццей.

Остролов Лео Ватрипон, автор путеводителя по Капу и его окрестностям, опубликованного в 1868 году, сомневался даже в его существовании: “Это город, где были войны, город, о котором говорят географы, но который не видел ни один смертный, город, бесконечно более загадочный, нежели Тимбукту, город, который так же трудно отыскать, как истоки Нила”, — таким он представлял себе, да и то с трудом, эту спящую красавицу в корсете из каменных укреплений.

По его словам, город дает решительный отпор любопытствующим туристам и бесстрашным исследователям.

Вы едете из Ниццы и замечаете какую-то цитадель: “Кучер, что это там — Антиб?” — “Нет, сударь, это Фор-Карре”. Вы проезжаете мимо, оставив по левую руку входные ворота, экипаж мчится дальше, и взгляд путешественника, ищущий Антиб в конце концов обнаруживает Канны. На обратном пути вы минуете те же ворота — на сей раз они справа — и вновь замечаете цитадель. “Кучер, так где же Антиб?” — “Сударь, мы его уже проехали”. Ответ неизменен с тех пор, как по этой дороге катят экипажи. А что касается железной дороги, дело обстоит еще хуже: тут уж вы и вовсе ничего не увидите.

Стендаль не знал о нем. Не знал и Шатобриан, хотя верность этого маленького городка Бурбонам могла бы согреть его сердце легитимиста. Александр Дюма, проведенный в нем

ночь, был внезапно разбужен хором кающихся в масках и длинных синих одеждах. Если не считать этого повода к бессоннице, он ровно ничего не запомнил о нем. Хуже того, на вопрос: “Каким вы нашли Антиб?” отец “Трех Мушкетеров” решительно отвечал: “Да я вовсе не нашел его!”

Факт налицо: неудача преследует всех, кто посвящает свое время и деньги желанию сделать из этого города третью жемчужину Ривьеры.

В 1863 году граф Поль Ферсен, полковник и адъютант Российского императора, обосновался в Антибе, в замке Рейнард, который переименовал в виллу “Ферсен”. Здесь он создает Общество землевладельцев, скупает по двадцать пять сантимов за квадратный метр все земельные участки, которые хозяева соглашались ему продать, прокладывает дорогу в Кап и объезжает Англию и Голландию, делая рекламу этому “курорту будущего”. Но умирает, так и не став лордом Броухэмом Антиба и Капа.

В ноябре 1864 года в Антибе высаживается сэр Джеймс Клоуз, бывший банкир неаполитанского короля Франциска II. Он приобретает участок земли площадью семьдесят тысяч квадратных метров и растрчивает свое состояние на постройку замка, над возведением которого трудятся не менее двухсот дорожных рабочих и каменщиков. Он лелеет надежду выстроить здесь около тридцати вилл и проложить в Антибе ирригационный канал, как вдруг внезапно умирает 8 октября 1865 года, так и не осуществив свои многообещающие проекты.

В ноябре 1865 года бывший главный губернатор нидерландских колоний в Индии Гай Хоуп Лоден в свой черед поселяется на Кап д’Антиб, где строит себе великолепный дворец в классическом стиле, дав ему пророческое название “Eilen Roc” (анаграмма имени Cornелие, так звали его супругу). Он тоже строит грандиозные планы благоустройства города, но вскоре умирает, унеся в могилу свои честолюбивые замыслы.

В 1865 году здесь появляется гениальный основатель “Фигаро” Ипполит де Вильмессан. Кап д’Антиб кажется ему подходящим местом для строительства дома отдыха для уставших от работы литераторов, о котором он давно мечтает. “Не подлежит сомнению, — пишет он в своих “Мемуарах журналиста”, — что существуют такие категории личностей, чьи привычки, образ жизни и природа занятий подвергают их опасности стать жертвами определенных болезней, которые, возникнув по одним и тем же причинам, имеют один и тот же, почти всегда роковой, исход. Для литераторов и других творческих личностей это, например, чахотка, гипертрофия

сердца, раннее психическое истощение, словом, такие немощи, которые требуют сложного и дорогостоящего лечения, притом, с непременным условием удаленности от бурных столичных удовольствий и парижских соблазнов”. Намеренно или невольно (возможно, его альтруизм не исключал осторожности) он остерегся включить в этот список сифилис, сгубивший в артистической среде куда больше людей, нежели гипертрофия сердца или артериальное давление...

Вильмессан становится президентом комиссии, куда включены также Адольф Деннери, Дюмон и Сироден, представляющие авторов-драматургов, Поль Феваль — от Общества литераторов, Виктор Массе — от композиторов, Рошфор и Адриен Макс — от журналистов. Вся эта веселая компания объезжает Ривьеру и останавливает свой выбор на мысе Кап д’Антиб. “Место было выбрано очаровательное, — пишет автор этого великого проекта. — Море, горы, оливковые и апельсиновые рощи предлагали такие пейзажи, такой благотворный воздух, о которых можно было только мечтать. Красота этих мест не позволила бы литераторам и художникам считать здешнее пристанище богадельней. Нужно было сделать так, чтобы каждый из них чувствовал себя тут как дома и действительно был у себя дома. Поблизости предполагалось выстроить казино, которое в летнее время должно было способствовать проведению плодотворных вечеров. Все артисты, в том числе и Патти, предоставили себя в наше распоряжение. Нашим больным предлагались бы бесплатные поездки по железной дороге; те из них, кто мог заплатить за свое пребывание, делали бы это сами, те же, кто не располагал такими средствами, могли воспользоваться самой тактичной и полной материальной поддержкой. Мы все тщательно обдумали, вплоть до омнибусов, вплоть до телеграфа, вплоть до самых незначительных мелочей”. Вилла “Солнце” — так должен был называться этот приют покоя и уединения, таким он виделся во всех подробностях своему создателю, который и в самом деле предусмотрел решительно все, кроме одного: человеку рано или поздно надоедает его дело, особенно, если это помощь ближнему. То ли Вильмессан разочаровался в своем проекте, то ли ему надоели постоянные обвинения в жульничестве, но он все бросил и уехал в Монако, где и окончил свои дни среди игорных столов. Его партнер и собутыльник Адольф Деннери, автор “Двух сироток” и множества прочих литературных и театральных произведений, оказался более предусмотрительным. Невдалеке от того места, где должны были воздвигнуть пресловутый дом отдыха для хворых творцов, он выстроил

на просторном участке над заливом виллу “Зеленые дубы”, где даже не думал принимать чахоточных литераторов. Направив благотворительность прежде всего на себя самого, Деннери собирался наслаждаться местными красотами и благотворным воздухом самолично, в приятной компании. Он был слишком занят собственной персоной и потому не строил никаких планов расширения своей “фиваиды”.

В 1865 году шурин графа Ферсена, Алексей Плещеев, высокопоставленный офицер русской армии, выходит в отставку по случаю кончины в Ницце наследного принца и поселяется в замке Рейнард, собираясь воплотить в жизнь доставшиеся ему в наследство амбициозные планы своего усопшего родственника, дабы обеспечить процветание Антиба. Объединившись с несколькими знатными горожанами, он основывает компанию “Кап д’Антиб”, которая начинает строительство гостиницы “Гранд-отель дю Кап” в том самом месте, которое Вильмессан некогда выбрал для своего дома отдыха. 26 февраля 1870 года состоялось торжественное открытие нового “караван-серала”, как об этом свидетельствует корреспондент “Иллюстрасьон”, “в присутствии самых красивых дам и самых изысканных господ многонациональной колонии этого побережья”. Проспер Мериме, прикованный к постели болезнью, велит прочесть себе программу этого роскошного празднества, исходя бессильной яростью, оттого, что не может принять в нем участие. Бесконечные тосты, затянувшийся банкет, оборки и кринолины на фоне солнечного, лазурного пейзажа — все это заставляет присутствующих забыть о тучах, уже собиравшихся на политическом горизонте. Увы, меньше чем через полгода залпы франко-прусской войны прозвучали похоронным звоном для “Отель дю Кап”. Компания, управляющая им, объявлена банкротом; Плещеев разорен.

Семнадцать лет спустя Стефан Льежар, супрефект и по совместительству поэт (которому мы обязаны пятьюдесятью тысячами нечитательных стихотворных строк и двумя бессмертными словами — “лазурный берег”), печально свидетельствует о запустении этого владения. Он пытается пророчествовать: “Этот дворец останется заброшенным среди сорняков вплоть до того дня, когда какой-нибудь лорд в окружении своей семьи и верных слуг не явится сюда, как в сказке, дабы вдохнуть жизнь в этот каменный труп”.

А пока, за невозможностью наслаждаться чудесами космополитизма, Антиб ведет размеренное существование скромного провинциального городка, зябко затаившись в своих пределах.

В своем романе “Карагёз” стоимостью три с половиной франка, опубликованном в издательстве Жювена в последней четверти девятнадцатого века, писатель Жан Фюгерон, ныне совершенно забытый, довольно образно описывает нам этот городок, так же прочно изолированный от современности, как деревушка Астерикса, осажденная легионами Цезаря. Путешественники, которых кучера из Ниццы и Каннов не смогли убедить, что Антиб существует, открывают для себя город, так и не изменившийся с прошлого века. Их взгляд окидывает “полуостров, на котором теснятся старинные квадратные постройки романского стиля, крытые рыжеватой черепицей; домишки эти наподобие потока низвергаются с холма к морю, остановленные в последний миг двухсотлетними деревьями и грандиозной крепостной стеною, обязанной своим появлением гению господина де Вобана. Дорога приводит их к живописному порту, украшенному белыми аркадами, где во время штормов укрываются малотоннажные суденышки, которые матросы пришвартовывают к давно вышедшим из употребления пушкам, расставленным вместо причальных тумб вдоль набережной”. Если взглянуть на город с моря, можно увидеть “над скоплением крыш две величественные сарацинские башни, сложенные из камней разрушенных римских памятников и испещренные латинскими надписями; их шафранно-желтые или охрачные силуэты, четко вырисовывающиеся на густой небесной лазури, напоминают древние сооружения, уже виденные нами в Арле и на афинском Акрополе... Старое фиговое дерево, невесть как выросшее на верхушке одной из башен, свешивает с нее свою листву, точно густую шевелюру, неподвластную даже безжалостным порывам неумолимого мистраля, заполняющего воздух солоноватой пылью”. Много лет спустя, воспевая те же укрепления, Жак Одиберти вспомнит дерево, проросшее сквозь трещины в стене: “В эту башню намертво вцепилось фиговое дерево”. Он превратит его в символ “величия времени”, в образ прошлого, почитаемого “старым молодым человеком” в поисках самого себя.

Наиболее бесстрашные исследователи рискуют углубиться в старинные улочки, “над которыми нависают полукруглые арки; в извилистых проулках, залитых, однако, ярким светом, раздаются голоса прачек и скрип оливковых давлений, витают пряные запахи местных яств”. Прямо посреди этих улочек рачительные владельцы домов, презрев требования властей, “понастроили ступенек, дабы преградить путь повозкам и спокойно дышать ‘добрым воздухом’, как они выражаются, под сенью молочаев, алоэ, фиговых деревьев и финико-

вых веерных пальм; все эти деревья, имеющие форму то копия, то канделябра, укореняются в любой каменной трещине и, кажется, растут прямо из крепостной стены”.

Город дышит размеренной и достойной скромностью; солнце и впрямь скрывает многие его изъяны: “Голые убогие стены старинных кварталов не выглядят, тем не менее, печальными и монотонными благодаря этому ослепительному свету, украшающему все, на что он падает; здесь, под красным навесом, вы видите круглое оконце в форме горлышка биотского кувшина; дальше терраса, увитая ажурными плетями дикого винограда; здесь простая стена с облупившейся местами штукатуркой, обнажившей охряно-красный кирпич; там, вдали, на углу улицы, Мадонна в нише, выкрашенной синькой, какой пользуются прачки, и усеянной золотыми звездочками; вот растет в глиняном черепке цветок с жирным стеблем; сохнет тряпье на веревке под солнцем; рыбак выходит из-за угла с веслами на плече; старуха в белом чепце вяжет, сидя под фиговым деревом; портовая красotka шествует, виляя на ходу бедрами, на манер марсельских девок; чья-то любопытная рука приподнимает соломенные жалюзи — все эти сценки способны пробудить воображение художника и послужить передним планом картины, фоном которой будут корабельные мачты и зеленый ковер мха и растений, укрывших под собой каменные крепостные стены”.

Через этот скромный и скрытный город в 1868 году проезжает Жорж Санд. И хотя достойная дама из Ноана не проявила интереса к живописным улочкам маленького порта, она не устает восхищаться аллеями ботанического сада, творения господина Гюстава Тюре: “Я испытала истинное потрясение при виде величественных природных красот, проезжая этот парк на Антибском мысе, превосходно расположенный и превосходно обустроенный. И в том и в другом отношении это самый прекрасный сад, какой мне довелось видеть... Он подобен раю, он словно парит над бесконечным простором... Можно представить себе, что вы попали в рай для поэтов”.

Шесть лет спустя Жюль Верн звонит в дверь виллы “Зеленые дубы”. Этот миг знаменует собой начало бурного сотрудничества создателя Капитана Немо и автора “Двух сироток”. В благотворном уединении дома на Кап д’Антиб Жюль Верн и Адольф Деннери пишут тексты инсценировок по романам “Вокруг света за восемьдесят дней”, “Дети капитана Гранта”, “Михаил Строгов” и “Путешествие в Невозможное”. В течение долгих лет, невзирая на успех, сопутствующий этим спектаклям, и деньги, которые текут рекой, отношения между дву-

мя авторами будут омрачаться частыми ссорами, грозящими разрывом. Но сейчас, в самом начале, атмосфера (в буквальном и переносном смысле) еще безоблачна, и Жюль Верн, полный энтузиазма, пишет своему издателю: “Мой дорогой Этцель, вот уже неделя, как я нахожусь в вашем зимнем краю, на этой восхитительной вилле, которую вы знаете снаружи. Внутри же это настоящий музей. Из своего окна я вижу побережье залива Жуан. Дом расположен между озером, вернее, заливом, и морем, которое зовется Средиземным. Пейзаж великолепен, здесь он гораздо красивее, чем в Ницце или Каннах. Впрочем, вам это все хорошо знакомо. Погода прекрасная — двадцать градусов тепла, повсюду лазурь, и сверху и снизу, и зелень, ее оттеняющая. Меня приняли здесь в высшей степени гостеприимно, и мы усиленно работаем”. Именно об этом замечательном симбиозе счастливых дней и свидетельствует Бертолл.

Через несколько лет один уроженец Прованса с сердцем, согретым южным солнцем, изгнанный в туманы столицы, делился своим открытием с приятелем-мазилой, сидя с ним за рюмкой водки:

“Можешь мне поверить, что это самый красивый маленький порт во Франции, в уголке голубого залива, на фоне заснеженных Альп, с двумя могучими сарацинскими башнями, построенными из обломков римских сооружений; эти башни высятся над крепостными стенами, которые, если не считать патины веков, выглядят такими же незыблемыми, как в то время, когда их возвел Вобан.

Прогулка вдоль этих стен, окруженных рвами, заросшими вязами и эвкалиптами, стала любимым моим занятием. Воображая себя, не без удовольствия, старым отставным воякою, я время от времени спокойно ходил, опираясь на трость, бок о бок с полковниками и капитанами (все они были в той или иной степени инвалидами) полюбоваться, как на окрестных холмах муштруют солдат гарнизона.

Иногда там проходили и маневры моряков, и каждая рота десанта усердно тащила за собою на лямках свои пушечки.

То был настоящий праздник; в такие дни на куртинах, на верхушках бастионов, возле сторожевых башен всегда стояли четыре-пять женщин в ярких пеньюарах. Один из них был розового цвета, но какого розового!..”

Грезя об этом “Заведении Телье”, приникшем к крепостным стенам, и об этой “каменной зрительнице” в розовом пеньюаре, Поль Арен с восхищением констатировал, что осмотрительность не принадлежала к числу достоинств антибцев:

“Скромные обительницы домика с глухими ставнями, примостившегося в безлюдном уголке в тени укреплений, раз в неделю выходили наружу, чтобы поприветствовать издали вереницу своих друзей и знакомых, служивших на флоте.

Милые девушки, это их так развлекало!

Городские буржуа не роптали, находя такое явление вполне естественным; что же до меня, наделенного поэтическим воображением, то я вспоминал главу из “Саламбо”, в которой Флобер так образно описал рыжих и темнокудрых гетер, поджидавших на стенах Карфагена прихода наемников”.

Этот город, чье имя автор книги “Жан из фиговой рощи” предпочитал в начале своей истории замалчивать, был не чем иным, как “античным Антиполисом, который собственные его обитатели до сих пор именуют Антибулом, а варвары, по словам Гюго, называли на своем нечистом языке Антибом”.

Поль Арен “перенесет туда свои пенаты” и отдаст Богу душу в этом городе 17 декабря 1896 года, успев перед кончиной посвятить своей новой малой родине прелестную сказку под названием “Шхуна шести капитанов”.

Те старые капитаны, что греют косточки на жарком солнце, вспоминая свои, часто придуманные, высадки на сушу во всех частях света, весьма красочно описаны бароном Рене Жаном Туссенем, иначе говоря, писателем Рене Майзеруа. Похоже, что этот бывший военный, хроникер, автор фривольных романов, бретер, игрок и бабник (говорили, что он послужил Мопассану прообразом Милого Друга), мечтал сбежать от своих долгов, дуэлей и любовных интрижек куда-нибудь подальше, например, в Антиб, дабы провести там остаток дней, по примеру благоразумного Поля Арена. Те несколько страниц, что мы выбрали из его сборника “Ощущения”, свидетельствуют, по крайней мере о том, что такие соблазнительные мысли временами посещали его.

В предисловии к “Бескрайней лазури” своего друга Майзеруа Ги де Мопассан поверяет нам, что и он сам влюбился в Антиб, “этот маленький рыбацкий городок, некогда воинственный... а ныне надежно укрытый, заключенный, затерянный в своей двойной ограде из монументальных каменных стен, возведенных Вобаном”.

Будучи и сам любителем водных прогулок, он, как и многие другие, мечтает оказаться среди “медлительного сообщества старых морских волков, что посиживают бок о бок на берегу, вспоминая былые плаванья. Их лица изрезаны морщинами и похожи на дерево, растрескавшееся под солнцем и от дождей; дубленая кожа потемнела, как вяленая рыба, черты искажены гримасою старости”.

У одного из таких капитанов дальнего плавания Мопассан снимает в 1885 году виллу “Роцца”, уединенный дом в провансальском стиле, неподалеку от дороги Песков, где и обустраивается вместе со своей матерью и верным слугой Франсуа Тассаром.

По утрам он запирается у себя, чтобы писать, или же, нахлобучив на глаза серую шляпу и взяв крепкую, обитую железом трость, бодрой походкой шагает осматривать Кап д’Антиб, “этот мыс, пустынный, как бретонские ланды”. Там он с веселым удивлением наблюдает за сбором оливок: “Женщины, одетые в мужскую одежду, забирались на раскидистые ветви олив и, вооружась длинным шестом, изо всех сил колотили по ним; плоды бесшумно сыпались на зеленый покров земли. Другие собирали урожай в корзины, а затем ссыпали в мешки”.

Но совсем счастливым Мопассан чувствует себя только в море. Убаюкиваемый волнами, он ощущает, как отступают острые, терзающие его боли, как забывается грызущая роковая болезнь. После “Луизетты”, маленького белого китобойного суденышка, которое снимается с якоря в порту Обернон, он приобретает “Милого друга” — одномачтовую яхту длиной одиннадцать метров и водоизмещением в девять тонн. Спустя несколько лет он заменит ее вторым “Милым другом” — английским одномачтовиком с черным корпусом, обведенным золотой каймой, из великолепного шотландского дуба, длиной четырнадцать метров и водоизмещением в тринадцать тонн.

В октябре 1886 года Мопассан снимает шале “Альпы” на Бадинской дороге; здесь он проживет семь месяцев. Страшное землетрясение в феврале 1887 года разрушает домик, но его обитатели, к счастью, отделяются легким испугом.

Антиб, где Ги де Мопассан заканчивает свой роман “Монт-Ориоль”, дает ему богатый материал для атмосферы забавного рассказика “Госпожа Парис”, в котором комендант крепости приказывает запереть на ночь городские ворота, чтобы утолить свою страсть к жене местного чиновника; солдаты прогоняют беднягу прочь, так что, в результате, тот вынужден дожидаться утра на вокзале.

Маленький безмятежный порт обрел бессмертие на первых же страницах цикла “На воде” — самой интимной, самой трогательной и, без сомнения, самой прекрасной книги автора “Милого друга”. Поль Моран написал об этих грезах под журчание волн: “Это уже не дневник пессимиста, но ежедневник ипохондрика!” В действительности несчастье заключается не в ипохондрии, а в сифилисе, подтачивающем организм

писателя, терзающем его мозг, лишаящем воли к сопротивлению; эта роковая болезнь неумолимо ведет его во мрак безумия, от которого его избавит только смерть в 1893 году.

Проходит несколько лет, и Антиб встряхивается, словно решив вырваться из долгого сонного забытья. Этому пробуждению способствуют три взмаха волшебной палочки – строительство Жуан-ле-Пен, вторичное открытие “Отель дю Кап” и, наконец, разрушение крепостных стен, которое, лишив город былой живописности, позволило ему взамен вдохнуть вольный воздух морских просторов.

Идея обустроить сосновый бор, который находился к западу от Антиба, оказалась плодотворной. В 1881 году создается Новое земледельческое общество. Его цель: создать между Капом и мостом Полковника Дюли зимний курорт, ни в чем не уступающий своим именитым соседям. Как же его назвать? Мэр предлагает “Антиб-ле-Бэн”, любители солнца настаивают на “Гелиополисе”, отдельные англomаны подсказывают “Олбани-ле-Пен (по имени сына королевы Виктории, брата будущего короля Эдуарда VII). Но этим последним крупно не повезло: герцог Олбани неудачно падает с лошади и умирает. Исходя из того, что будущий курорт расположился в сосновом лесу, омываемом водами залива Жуан, мэр, господин Видаль, выдвигает другой вариант – “Жуан-ле-Пен”. Итак, курорт будет зваться Жуан-ле-Пен. Невзирая на сопротивление местных жителей, распри акционеров, бесцеремонное вмешательство государственных инстанций, денежные проволочки мэрии и невиданный размах землеустроительных работ, Жуан-ле-Пен растет мало-помалу, с разумной неторопливостью. Марьетон описывает “пир Фелибров” (провансальских писателей и поэтов) с участием Луи Бертрана; он проходит в самые блистательные годы космополитического “Пижамаполиса”, под сенью опять-таки провансальских сосен, “на пустынном пляже”, где загорают и резвятся Марис Пра, Сирил Коннолли и Морис Сакс. Но уже с 1888 года Мопассан, проплывая мимо Кап д’Антиб на своем “Милом друге” предсказывал, что скромное селение Жуан-ле-Пен “быть может, станет впоследствии самым красивым курортом на всей Ривьере”. Он зорко провидел будущее, хотя пришлось прождать еще добрую четверть века, прежде чем это пророчество осуществилось во всей полноте.

Однако, согласно мнению супрефекта Стефана Льежара, только какой-нибудь английский лорд с богатым воображением мог бы вдохнуть жизнь в этот замок Спящей красавицы, которым стал в результате бесконечных закрытий “Отель дю Кап”, этот “каменный кадавр”. И прекрасный принц в самом

деле явился — только не из туманного Альбиона, а из Пьемонта, в лице Антонио Селлы, молодого отельера, полного передовых идей, талантов и энтузиазма. Он берет заброшенный дворец в аренду, и в 1889 году отель открывается вновь. Предприятие крайне рискованное: вначале всю клиентуру гостиницы составляют две старые девы-англичанки, они платят каждая по двенадцать франков в день, тогда как отель насчитывает сорок служащих, пять экипажей с лошадьми и маленький омнибус, который ежедневно спускается с холма на Антибский вокзал в ожидании постояльцев. А их все нет и нет. Но вот наконец в результате упорных усилий и разумных мер, клиенты начинают появляться. Первыми отель удостаивают своим визитом князь Мекленбургский и Гордон Беннетт, эксцентричный владелец “Нью-Йорк геральд”; вслед за ними приезжают богатые зимние постояльцы — русские аристократы и английские лорды. Именно один из этих последних, лорд Онслоу, чей номер и поныне благоговейно сохраняется в своем первоизданном виде, позволил Антонио Селле стать полноправным владельцем заведения, подписав ему чек на пятьсот тысяч франков прямо на перроне Антибского вокзала. “Гранд-отель дю Кап” родился на свет. Под управлением Антонио Селлы, а затем, после 1928 года, его сына Андре, он стал излюбленным местом пребывания аристократии со всего света. По сравнению с его “Золотой книгой” “Bottain mondain” и “Debrett’s” выглядят как телефонные справочники провинциального городка.

Антиб буквально задыхался в тесном кольце крепостных стен. Мог ли он развиваться и процветать, не сбросив с себя эти древние оковы?! В 1880 году военный министр генерал Фарр произвел инспекцию укреплений Антиба и постановил, что “они утратили оборонное значение и подлежат сносу”. В 1889 году Сенат проголосовал за утверждение этого проекта. Началась ожесточенная полемика между “пассеистами”, которые протестовали против разрушения “этих живописных укреплений, выдержавших столько вражеских осад”, и “модернистами”, которым не терпелось взорвать каменный корсет, душивший торговое развитие города. Вторые одержали победу. В 1895 году начались работы по разборке и сносу крепостных сооружений, которые практически завершились 13 декабря 1899 года. Отныне “Антибул” мог уповать на иную судьбу, нежели военная, и он не лишал себя этого удовольствия в течение последующих пятнадцати лет...

В последнем году истекающего столетия рождается Жак Одиберти — к этому имени нам придется постоянно возвращаться, говоря об Антибе, ибо никто не вложил больше стра-

сти и таланта в восхваление своего родного города, в создание мифа — романтического, поэтического, театрального мифа, абсолютно уникального в истории французской литературы двадцатого века. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть на любой странице его “Монорельс”, “Ла На”, “Крепостную стену”, “Могилы плохо скрыты”, “Воскресенье ждет меня”.

Любовь к городу выливается во вдохновенные заклинания: “Камни Антиба... Антиполис... неприступный город... каменный город... город за крепостной стеной, город холодного Севера, город Мраморной Афродиты, Порты, Песка, город в осаде башен, город-римлянин, город-кладбище, город каменного солдата и святого Роха, я твой сын!”

Одиберти хорошо изучил полную лишений жизнь ремесленников, земледельцев, солдат и рыбаков, составлявших патриархальное население старого Антиба. Он получил в удел иерархическую тайну античного города: “Антиб дарует мне в своем каменном царстве неизлечимый голод человека, крепко связанного старинным католическим и юридическим законом, под звуки пляски смерти Септентриона”. Он был свидетелем того, как Антиб и Жуан-ле-Пен перешли из восемнадцатого века прямо в двадцатый, со всеми его достоинствами и пороками.

“В 1905 году, — рассказывал он одному журналисту, — Антиб казался мне необъятной вселенной, да он и есть целая вселенная со своими восемнадцатью километрами побережья, галькой бухты Ангелов, утесами с воздвигнутыми на них укреплениями, душистыми зарослями кустарника на мысе Кап, укромными особнячками и пляжем Жуан-ле-Пен, куда мать водила меня, шестилетнего, на прогулки в августе месяце, нарядив в матроску и нитяные перчатки; тогда эти места были настолько пустынными, что по наступлении сумерек мой отец приезжал за нами на велосипеде, и мы издали слышали дребезжание его колес”.

В 1914 году Антонио Селла, предвидя, что недалеко те времена, когда летние постояльцы сменят зимних, затеял новые большие работы в “Гранд-отеле”: строятся павильон “Eden Roc” с чайным салоном, вошедшим в историю благодаря прославившему его Лартигу, термы с горячей водой и бассейн, выдолбленный прямо в скале — сверхсовременное сооружение, свидетельствующее о провидческом таланте пьемонтского отельера.

Но, увы, летом того же года разразилась война, самая ужасная война на европейском континенте, которая изуродовала эту землю, отдав ее во власть свирепых демонов. Короли

и императоры прячутся по углам. Писатели бегут прочь, если не считать старика Анатоля Франса, который, оставшись в одиночестве в опустевшем “Отель дю Кап”, оплакивает самоубийственную участь старой Европы, предрекая, что она никогда уже не оправится от этой безумной бойни. Английские лорды надевают военную форму. Русские князья исчезают, унесенные ветром революции. Лазурный Берег превращается в лазарет для тысяч раненых, изуродованных, обезображенных и отравленных газом в гнусной мясорубке войны.

Антонио Селла сдал “Гранд-отель дю Кап” американской армии, которая устроила там дом отдыха для медицинских сестер, работавших на фронте. Второй отель был реквизирован и предоставлен в распоряжение Ассоциации военных сирот. Казино Жуан-ле-Пена переоборудовали в военный госпиталь. Частные виллы и семейные пансионы приняли сотни тяжелораненых. Это был далеко не тот вид туризма, о котором мечтали на туристическом рынке Антиба, в тени жуанских сосен, на богатых виллах Капа.

Когда самое страшное кончилось, люди поспешили забыть о нем. И именно это лихорадочное и почти безнадежное стремление забыть ужасы войны стало причиной внезапного возрождения и процветания Антиба и Жуан-ле-Пена.

Страшные воспоминания о траншеях, о миллионах погибших, о разрушенных городах и обескровленных народах внушили выжившим ненасытную жажду жизни. То, что называли “Roaring Twenties”¹, век джаза и прочие безумства — не что иное, как пир во время чумы, бал спасшихся от общеевропейской бойни. Теперь на Лазурный Берег приезжают не умирать, а жить, жить и развлекаться с утра до ночи, не заботясь о завтрашнем дне. Ривьера, еще вчера служившая санаторием, превратилась в ночное кабаре; недавно там ходили слабыми шажками, нынче дергаются в чарльстоне. И это не перемена декораций, это наступление нового века. Вот главный признак новых времен: здесь задают тон уже не англичане, а американцы.

Фрэнк Джей Гульд, богатейший наследник американского магната, владельца железных дорог Джея Гульда, влюбляется в Жуан-ле-Пен и строит там отель “Провансаль”. Вместе со своей женой Флоренс, красивой, эксцентричной, умной, образованной и жадной до удовольствий, он привлекает сюда сливки общества и задает тон новой, блестящей жизни, сменившей суровые годы Великой войны.

1. “Ревущие двадцатые” (англ.).

И они не одиноки. Другая пара – символ этой эпохи наслаждений – отмечает своим присутствием Антиб и Жуан-ле-Пен, которые превращаются в столицу этих сумасшедших лет с привкусом джаза и джина.

Скотт и Зельда Фицджеральд приезжают в Антиб следом за Джеральдом и Сарой Мерфи, богатой американско-ирландской парой, ведущей блестящий, богемный образ жизни. Летом 1922 года Джеральд и Сара снимают у Антонио Селлы весь первый этаж в “Отель дю Кап”, где тотчас же появляются Гертруда Стайн и Алиса Токлес, неразлучные музы литературного и живописного американского авангарда в Париже; почти сразу же вслед за ними прибывает Пикассо со своей матерью, сыном Паоло и женой Ольгой. Отель полностью в их распоряжении, сам Антонио Селла запирает верхние этажи и уезжает на пляжи Севера. Дос Пассос описал нам, как писатели “потерянного поколения” открыли для себя этот “маленький провансальский порт в стороне от цивилизации”; вы найдете отзвуки этого рассказа в коротком отрывке из его воспоминаний “Прекрасная жизнь”; этот отрывок мы включили в эту книгу.

Приходится разгрести лопатой водоросли, завалившие песчаный пляж в Ла-Гаруп. Рыбаки громко насмеяются над сумасшедшими американцами, которые плещутся в воде, тогда как всем жителям старого города хорошо известно, что “морские купанья вредны для почек”...

Очарованные красотой здешних мест, супруги Мерфикупают на Мужёнской дороге дом, окруженный апельсиновыми и лимонными деревьями и мимозой; они дают ему новое имя – естественно, вилла “Америка”. Пока дом ремонтируют, они принимают своих многочисленных гостей в “Отель дю Кап” и продолжают жариться на солнышке в Ла-Гаруп. Скотт и Зельда, выбравшие местом жительства Сан-Рафаэль, присоединяются к этой жизнерадостной компании. И это любовь с первого взгляда. Сара и Джеральд Мерфи тут же проникаются очарованием волшебной пары. “Вместе они выглядели потрясающе, – записывает Гертруда Стайн. – Они так заряжали друг друга, что лишь при одном взгляде на них все чувствовали себя наэлектризованными”. Скотт и Зельда, со своей стороны, пылко полюбили чету Мерфи, которая являла собой идеал всего того, чем они хотели бы стать: красивые, богатые, беззаботные, искушенные и недоступные никаким бедам на свете.

Стараясь ослепить это избранное общество, Фицджеральды пускаются на всевозможные эксцентричные выходки. Но сквозь невинные игры этих бездельников, ищущих сильных

эмоций, уже видится смертельный душевный надлом двух существ, иступленно стремившихся к саморазрушению — сегодня, сейчас, пока не кончилась молодость. Однажды августовской ночью 1924 года Зельда проглатывает содержимое пузырька со снотворным. Скотт и супруги Мерфи до самого рассвета заставляют ее шагать по коридорам “Отель дю Кап”, чтобы избежать самого худшего.

На террасе “Золотой голубки” в Сен-Поле Скотт бросается к ногам Айседоры Дункан; Зельда перешагивает парапет и падает вниз, в пустоту. Но отделяется лишь несколькими синяками. Возвращаясь в Антиб в сильном подпитии, они отстают от остальной компании и засыпают в своем “Рено” прямо на железнодорожных рельсах. На заре какой-то крестьянин обнаруживает их там и откатывает машину с путей за несколько минут до прохождения поезда.

За рулем они ведут себя, как настоящие демоны. Скотт весьма посредственно водит машину, но выжимает скорость до предела на сумасшедших виражах, восхищая своим безрассудством Зельду, которая сияет от радости, глядя на своих перепуганных попутчиков. Когда же она сама садится за руль, никогда нельзя знать, не уступит ли она соблазну ринуться в пропасть. Однажды она легла под колеса “Рено” и скомандовала: “Скотт, раздави меня!” Скотт не заставил себя просить, тут же запустил мотор и включил первую скорость; к счастью, чья-то милосердная рука успела нажать на тормоза.

Темной непроглядной ночью Зельда в коротких трусиках, забравшись на крышу “Eden Roc”, заставляет Скотта, дрожащего от страха, несколько раз подряд прыгнуть вместе с ней в море, среди острых утесов. Саре Мерфи, которая кричит, что они сломают себе шею, мокрая Зельда небрежно бросает: “Разве вы не знаете, что инстинкт самосохранения не относится к числу наших достоинств?”

Да и благовоспитанность — тоже. Хроника их пьяных разгулов предваряет роскошные беспутства пьяниц Блондена. Пока Зельда с сияющей улыбкой извергает самые непристойные ругательства, Скотт крайне учтиво приветствует незнакомых людей словами: “Счастливы познакомиться, месье, позвольте представиться: я алкоголик”.

Он является в казино Жуан-ле-Пен в соломенной набедренной повязке, задирает посетителей, с наглой усмешкой разглядывает пары за столом и сыпет пепел на головы тех, кому это не нравится. Вместе с одним из своих собутыльников он пытается насильно распилить пополам бармена, который не согласился подвергнуться этому интересному эксперименту добровольно, за пачку долларов.

Во время одного приема на вилле “Америка” Скотт переходит все границы. Он швыряет пригоршню шербета в декоративную вазу княгини Караман-Шиме, награждает здоровенным апперкотом Маклея, который пытается исправить ситуацию, и, наконец, принимается выбрасывать в море, через изгородь дома, венецианские золоченые бокалы, которые Сара берегла как зеницу ока. В наказание Джеральд отлучает его от дома на целых три недели, каковое требование неуклонно соблюдается обеими сторонами.

В начале осени Фицджеральда охватывает меланхолия. “Все веселые интересные люди разъехались, — пишет Зельда, — унеся с собой атмосферу карнавала и неминуемых скандалов, которые так украшали это лето. Скотт работает и предается унынию, думая о войне. Какое-то время здесь прожил Эрнест Хемингуэй, эдакий мистический материалист”.

Роман, над которым, как проклятый, трудится Скотт, называется “Ночь нежна”; это самое болезненное из его автобиографических произведений. В первом же абзаце описан “большой отель, облицованный розовой штукатуркой”, — разумеется, это “Гранд-отель дю Кап” тех сумасшедших лет.

Весной 1926 года Фицджеральды поселяются на вилле “Пакиста”; позже они предоставят ее Хемингуэю, а сами переберутся на виллу “Сен-Луи”, на месте которой ныне стоит отель “Бель Рив”. Скотт находится в лучшей форме, нежели раньше. “Сейчас я счастлив так, как не был уже много лет. Я переживаю один из тех странных, драгоценных, но таких мимолетных периодов, когда кажется, что все идет прекрасно”.

Курорт уже ничем не напоминает Спящую красавицу 1922 года: летний сезон в разгаре, “Отель дю Кап” переполнен постояльцами, пляж Ла-Гаруп заставлен купальными кабинками. Это время, когда Скотт с юмором пишет: “Здесь, в Антибе, этим летом никого нет, если не считать меня, Зельду, чету Валентино, супругов Мерфи, Мистангет, Рекса Ингрема, Дос Пассоса, Алису Терри, Маклеев, Чарли Брекера, Мод Кан, Эстер Мерфи, Маргерит Намара, Э. Филиппа Оппенгейма, виолончелиста Манна, Флойда Делла, Макса и Кристель Фастман, бывшего премьер-министра Орландо и Этьена де Бомона. Идеальное местечко для скромной уединенной жизни”.

И, конечно, они по-прежнему пьют до бесчувствия, даже если им временами изменяют силы. Однажды в конце ужина на террасе “Eden Roc”, устроенного в честь Уолкотта и Элизаги, жениха Грейс Мур, Зельда вскакивает с места и объявляет, что такой повод заслуживает большего, чем эти непрерывные тосты и дурацкие речи. Подтверждая слова делом, она стаскивает с себя черные кружевные трусики и бросает их

гостям в знак прощального подарка. Элизага кланяется, благодарит Зельду и ныряет прямо в костюме в море. Тучный великан Уолкотт тотчас сбрасывает с себя всю одежду и в одном канотье, попыхивая сигарой, медленным шагом входит в отель, проследовав по холлу в чем мать родила без малейшего смущения.

Антиб и Жуан-ле-Пен переживают свой первый золотой век.

“Теперь пляж был сплошь покрыт голыми людскими телами, — пишет Одиберти. — Море заменило мораль. Каждый читал только соленый запах собственной плоти”.

Опадают листья эфемериды. Вот уже и 1932 год. Сименон снял виллу “Серые скалы” на Кап д’Антиб. Он проводит там четыре месяца, чтобы проникнуться атмосферой этих мест и послать своего знаменитого комиссара полиции в очередное увлекательное расследование: “Это началось с радостного ощущения каникул, — пишет он на первых страницах романа “Liberty Bar”. — Когда Мегрэ сошел с поезда, половина антибского вокзала купалась в таком ослепительном солнечном свете, что суетившиеся на перроне люди выглядели темными силуэтами. Силуэтами в соломенных шляпах, белых брюках, с теннисными ракетками в руках. Воздух гудел, точно пчелиный улей. Вдоль перрона росли пальмы и кактусы, вдали, за линией привокзальных огней, виднелся кусочек голубого моря”. Мегрэ, измученному жарой, предстоит распутать сложный клубок мотивов преступления, тогда как он мечтает лишь об одном: “забыться дремотой под сенью зонтичной сосны, под стрекотание цикад”. Расследование приходит его в средоточие полусветских обитателей курорта: “Сотни женщин, подстерегающих богатых гуляк. Сотни крупье, подстерегающих игроков. И сотни жиголо, наемных танцоров, официантов, подстерегающих женщин... Кроме того, сотни мужчин-бизнесменов, таких как месье Петифис, с их списками вилл на продажу или сдающихся, — эти подстерегают зимних посетителей”. Одиберти, в своем “Монорельсе” также описал, в свойственной ему неподражаемой манере, атмосферу Жуана в том же достопамятном 1932 году.

Отовсюду съезжаются писатели — эти сейсмографы эпохи; Стефан Цвейг и Джозеф Рот, оплакивающие габсбургскую старушку Европу, Тристан Тцара и Поль Элюар, напротив, повернувшиеся спиной к прошлому, и многие другие вихрем проносятся через Кап д’Антиб.

Легко понять, что этот безумный вихрь, эти полчища обожженных солнцем тел, этот подозрительный мир искателей приключений, жадных до удовольствий и легкой пожи-

вы, были противны людям с изысканным вкусом. Сирил Коннолли, Жиано, Валери откровенно выразили свое отвращение по этому поводу. 9 сентября 1926 года Луи Арагон возмущается в письме, написанном из Антиба Эмманюэлю Берлу: “Я ненавижу этот регион, грязный, жаркий, зловонный. Подумать только: здесь на каждом шагу встречаешь весь Париж! Слава богу, мои сестры не совпадают с их досугом; в результате, мне удастся не видеть этот ‘весь Париж’, на который мне плевать, плевать, плевать! Нужно быть ненормальным, чтобы растрачивать свои молодые годы на пребывание в этом мерзком южном аду”.

Но годы безумств безвозвратно проходят. Зеркало наслаждений меркнет. Теперь безумие охватило весь мир. Крах на Уолл-стрит, грохот военных сапог, призрак надвигающейся войны заглушают последние отзвуки умирающего праздника. Конец тридцатых годов. Ушли далеко в прошлое неумная погоня за скорыми утехами, безнадежные попытки удержать проходящую молодость, не сдаться подступающей старости. Все главные участники этого спектакля обратились в призраки. Скотт Фицджеральд погряз в алкоголизме, Зельда впала в безумие. Они слишком многого хотели от жизни, а она всегда наказывает за эту жажду наслаждений, и им суждено будет умереть в разлуке, обнищавшими, больными и полузабытыми.

Роман “Ночь нежна” — это поминальная молитва по тому вихрю безумств, который стал легендой Антиба и Жуан-ле-Пен, прежде чем трагически сгинуть во мраке и ужасах грянувшей войны.

“Золотой кубок, конечно, разбит, но он был из чистого золота”, — пишет Скотт Саре и Джеральду Мерфи в 1937 году. Он живет среди поблекших воспоминаний об ушедшем счастье, не зная, что до смерти ему осталось всего несколько лет. Почти столько же, сколько старой Европе — перед тем, как пойти на самоубийство во второй раз.

Измученный, угасший, лишенный сил и надежды, Скотт Великолепный скончается в 1940 году, одновременно с крушением мира и триумфом войны.

Война. Люди еще пытаются не верить в ее реальность, цепляются за иллюзии былых времен. Патрик Модино в своем романе “Свадебное путешествие” уловил атмосферу тех мрачных дней, когда мир в глазах будущих жертв, пока еще ослепленных южным солнцем, выглядел обманчиво незыблемым.

Менее доверчивые бежали в Антиб, выбрав его в качестве временного пристанища. В их числе был Андре Сюарес. Баг-

ровая завеса пламени от горящих лесов на горизонте кажется ему идеальной метафорой Европы, отданной во власть огня и варварства.

И это варварство, против которого они восстают, будучи практически безоружными, побуждает людей, укрывшихся в тени, вновь обратить свои взоры к морю. Они уже не надеются разглядеть там в солнечные дни роскошные яхты миллиардеров, нет, они высматривают в безлунные ночи перископы английских подводных лодок, которые выныривают в нескольких кабельтовых от укреплений Антиполиса, чтобы высадить или, наоборот, взять на борт новую разновидность туристов. Назовем нескольких из этих людей, выбравших для себя столь оригинальный способ путешествия: Питер Черчилль, Эмманюэль д'Астье де ла Вижери, Жан Мулен, Ивон Моранда, Жюль Мок...

Одиберти старался не замечать страх, голод, лишения, стыд и озлобление людей, чтобы не уступить отчаянию, омрачавшему облик его родного города. Он пишет: “В 1943 году зима легла ослепительным голубоватым покровом на крепостные стены, творение властного гения. Временами упавшая бомба нарушала покой этого слепого и слепящего чуда. Но шуму взрыва отвечал стук шаров. Война продолжалась. Игра в шары тоже”.

Его друг Гастон Бутуль, также укрывшийся в Антибе, описал эту странную атмосферу крошечного провансальского княжества, зажатою между наступавшими варварами и пустым, голым морем: “Одиберти говорил, что крепостная стена Антиба — одно из тех редких мест, откуда можно было видеть море, — стала чем-то вроде балкона, где кончалась Европа, окончательно отрезанная от остального мира. Так во времена Карла Великого победившие сарацины запрещали христианам выходить в Средиземное море хотя бы на доске. Нынешняя странная эпоха кажется все более и более фантастической в этом невероятном смещении ясных солнечных дней, мрачных ночей, комендантского часа и топота сапог немецких патрулей на старинных улочках Гримальди и Вобана, ужасов и энтузиазма, грандиозных событий и мелких повседневных забот”.

Но и в эти ужасные времена творчество не сдает позиций. “Как и всегда в дни бедствий и общемировых событий, — пишет дальше Гастон Бутуль, — слово оставалось за поэтами. Сопротивление и поэзия шли рука об руку. По вечерам мы по-прежнему собирались у Рене Лапорта. В столовой — то есть в бывшем каземате античной крепости, выдолбленном в скале, — выступали по очереди наши временные гости и ли-

рические посланцы Сопротивления – Арагон, Орик, Кокто, Элюар, Пьер Эмманюэль, Жак Превьер, Клод Руа, Пьер Сегерс, Андре Веде и многие другие”.

Но вот приходит Освобождение с его ликованием и с его перегибами. Саперы разминируют “Гранд-отель дю Кап”, отведенный под дом отдыха для офицеров Генерального штаба американского Верховного командования, во главе с генералом Эйзенхауэром; впоследствии здание вернут Андре Селле. Приморский бульвар в Жуан-ле-Пене восстановлен, пляжи вновь засыпаны песком, руины разобраны.

Понадобилось два или три года, чтобы очистить город и придать местности былой блеск. Труба Сиднея Бекета и кларнет Клода Лютера возвещают о возврате былых сумасшедших лет.

И наступает второй золотой век Жуан-ле-Пена с его главными заведениями – это и городское казино, средоточие светской элегантности, и “Кристалл” и “Ла Потиньер” и “Пам-Пам”, основанный Чарли Лебано, бывшим артистом-танцором. По вечерам принято показываться в ресторане “У Максима” – модном ночном заведении братьев Джорданенго или в находящемся неподалеку клубе “Вьё-Коломбье”, где кишмя-кишит всякая шваль, точь-в-точь как в Сен-Жермен-де-Пре. Безумные, лихорадочные, неистовые ночи не могут, однако, развеять меланхолию героя романа “Бледный бог”, который Мишель Деон выпускает в свет в 1954 году: “Он приезжал в Антиб, чтобы отправиться в Жуан-ле-Пен. Толпы полуголых людей расхаживали по улицам, ярко освещенным огнями летних кафе, ночных кабаре, баров с мороженым. Машина продвигалась с черепашьей скоростью, небрежно отталкивая со своего пути, то левым, то правым крылом, людские зады в слишком коротеньких шортах или слишком узких брючках. Оливье отыскал парк, где можно было оставить машину, и со всех ног бросился в толпу. Красивые девушки встречались на каждом шагу. Он насчитал их добрую дюжину, перед тем как остановиться возле открытой террасы ночного кафе. Оттуда неслась джазовая музыка, то и дело застревая на синкопах, совсем как в Новом Орлеане. Эти кошачьи завывания соблазняли его не больше, чем другие подобные звуки, но ему не терпелось выпить, потолкаться среди людей. Кафе было полно, под завязку. Тем не менее ему удалось отыскать маленький столик рядом с танцплощадкой. Пары танцевали на новый манер, не так, как он привык. Юбки взметались, обнажая стройные загорелые ножки без капли жира. Эти худенькие девушки не уставали порхать и извиваться в танце всю ночь”.

Жюльетт Греко и Аннабел, в свой черед, без устали танцевали в “Клуб дю Бато”, который Пьер Дюдан и Клод Лютер открыли на улице д’Орм, у крепостной стены Антиба, в двух шагах от променада Адмираль-де-Грасс. Достаточно было перейти улицу, чтобы оказаться у Жака и Жанины Превер. Там можно было встретить Пикассо, Марселя Дюамеля, отца “черной серии”, Поля Элюара, Андре Виллье, Клода Руа, Ива Монтана и Симону Синьоре, Жоржа Рибемон-Дессеня, “близкого друга, друга всех наших сезонов”, Рене Лапорта, Пьера Превера и его супругу Жизель, не считая пса Эрже и кошки Агаты.

Превер в шортах, с окурком в уголке рта, в расстегнутой рубашке вышагивал по знакомым улочкам старого Антиба, зорко схватывая любую интересную мелочь своим насмешливым взглядом. Нас пленяло обаяние его простоты, его невозмутимого, наивного анархизма. От этих лет у меня сохранился растрепанный экземпляр “Слов”; дарственная надпись украшена красным солнцем, начертанным так энергично, что карандаш продырявил несколько первых страниц сборника.

2 июня 1948 года Никос Казандзакис, очарованный этим городом, который напоминал ему Грецию, с той лишь разницей, что он не был заселен греками, обосновался в Антибе на вилле “Роза”, стоявшей на Пальмовой аллее, у въезда на бульвар дю Кап. “Пугало” греческой литературы, автор “Грека Зорбы” славится ужасающей репутацией. Предатель, коммунист, нечестивец – вот далеко не все эпитеты, которыми его награждают во многих кварталах Афин. Страдает ли он от этого или отвечает на поношения пожатием плеч? “Никогда еще я не презирал греков так спокойно, иными словами, так бесповоротно”, – признается он одному из друзей. Но если у него есть столько смертельных врагов, то немало и тех, особенно среди его соотечественников с Крита, кто считает его гением и готов во весь голос объявить это со всех крыш Гераклиона и Аттики.

Подгоняемый сроками и болезнью, угнездившейся где-то внутри, Никос исступленно творит. Между 6 и 19 июня он заканчивает трагедию “Содом и Гоморра”. В начале июля приступает к написанию знаменитого “Христа распинают вновь”. В начале 1949 года появляются первые страницы трагедии “Он хочет свободы? Убейте его!”, произведения, которое позже получит название “Братья-враги”. В апреле того же года он создает еще одну трагедию под названием “Тесей”. При этом он отнюдь не ведет отшельнический образ жизни. К нему приезжают со всех концов Европы: из Греции – его

верный друг Панделис Превелакис, с которым он ведет переписку, где без утайки поверяет ему самые свои сокровенные помыслы, из Швеции — его переводчик Борье Кнёс, из Италии — эллинист Бруно Лаваньини.

В апреле 1949 года Никос и его супруга Элени переселяются на виллу “Манолита” в парке Сарамартель. Сам дом, по отзыву Банин, уродлив до слез, но зато он окружен благоуханным садом, где, словно нарочно, собрались вместе все деревья Греции: лимонные, фиговые, миндальные, оливковые, мушмула и даже виноград: черные грозди зреют в изобилии.

Писатель устраивает кабинет в чем-то вроде застекленной башни, из которой видно море. Именно в этом “маяке”, раскаленном в летнее время, ледяном в зимнее — чего сам хозяин, кажется, не замечает, — он и примет приехавшего к нему Юнгера. “Я все время сижу здесь полуголый на солнышке и пишу”, — говорит он. Результаты более чем внушительны: новая трагедия “Христофор Колумб”, переписанная версия “Константина Палеолога”, неистовый по силе критский роман “Капитан Михалис, Свобода или Смерть”, а также “Последнее искушение”, которое навлечет на него новые злобные нападки на родине.

“Изгнанник, живущий в антибском раю” — так он сам называет себя. Этот изгнанник не в силах забыть ни Крит, ни Грецию: Антиб выглядит ее продолжением, ее копией, неустанно напоминающей об оригинале. Элени, верная подруга писателя, набросала волнующий портрет этого человека, всей душой стремящегося к своей утраченной отчизне: “У себя в бельведере, под порывами восточного ветра, под ударами мистралья, среди древних, дразнящих обоняние ароматов, Казандзакис походил на старого морского волка, стоящего у кормила своего суденышка и устремившего взгляд в морские просторы”.

Среди посетителей бельведера можно было увидеть женщину лет сорока, с ярко выраженными восточными чертами, это была Эмманюэль Банин Ассадулаева. Азербайджанка, родившаяся в 1905 году в шиитской семье богатейших нефтепромышленников, разоренных Октябрьской революцией, она бежала из Азербайджана во Францию, занималась в Париже чем придется, и в конце концов начала писать, при этом усердно общаясь с самыми видными писателями эпохи. Так, ей удалось подружиться с Бетти и Гастоном Бутуль, которые радушно приглашают в Антиб эту “иноземную Шехерезаду”, с Жаном Поланом, с Жаком Одиберти и, разумеется, с Казандзакисом. Элени пишет ей: “Редко бывает, чтобы чело-

век, с которым только что познакомился, в короткое время занял такое прочное место в нашем сердце”. Второе ее письмо подтверждает сказанное: “Николаки шлет вам записочку, чтобы сказать, как он вас любит. Он часто думает о вас, а я смотрю, как он думает о вас, и улыбаюсь — нежно и снисходительно”.

Однако главный кумир Банин — это Эрнст Юнгер, чей “Мир” она переводит вместе с Арманом Петижаном. С тех пор как она встретила Юнгера в Париже в 1943 году, она почитает, как Бога, этого немецкого офицера, чье творчество озаряет аристократически-холодным огнем небосклон германской словесности. Она умоляет его приехать к ней на Лазурный Берег и готова свернуть горы, лишь бы раздобыть ему необходимую визу.

Человек, который выходит из поезда на антибском вокзале, поставив на перрон огромный чемодан, — далеко не обычный гость в эти годы, когда еще свежа память о войне.

Этот образцовый прусский офицер получил четырнадцать ранений во время Первой мировой войны и, наряду с Роммелем был удостоен креста “За заслуги”, которым награждают крайне редко и только самых отчаянных храбрецов. В своих книгах “В стальных грозах” и “Мы дети войны” он восславляет суровые окопные испытания. Сразу после поражения становится одним из виднейших теоретиков консервативной революции, имеющей целью упразднение Веймарской республики. Но когда к власти приходит Гитлер, отвергает соблазнительные предложения Геббельса и держится в стороне от режима, истинную природу которого бесстрашно обличает в 1939 году в своем романе “На мраморных скалах”. Эта пророческая книга привлекает к нему внимание гестапо. Но репутация героя войны защищает Юнгера. После оккупации Франции он служит в Генеральном штабе вермахта в Париже. И посещает салон Флоренс Гульд, давая повод хорошо информированным знакомым утверждать, что он ее любовник. Здесь он встречает Морана, Гитри, Монтерлана, Леото, Жуандо, Кокто, Дриё и многих других писателей самых различных течений. Замешанный в заговоре против Гитлера, он остается в живых, но вынужден подать в отставку. После войны этот побежденный герой предается самым разнообразным увлечениям: энтомологии, исследованию “искусственного рая” (состояния наркомана после приема дозы), углублению времени и писательского стиля, восхвалению “лесного” образа жизни и, наконец, занимает позицию одинокого “аристарха” — строгого критика и противника всех политических режимов на свете.

У крепостных стен Антиба он быстро превращается в дикаря, выходит из дома полуголым, катается на велосипеде, упивается красками и ароматами провансальского рынка, купается среди скал, коллекционирует насекомых, в изобилии водящихся в лесах Капа, где царят безлюдье, тишина и покой, приобщается к южной кухне с ее буйабесом и чесночными салатами, и каждый вечер боязливо вопрошает Банин, будет ли завтра солнечная погода.

Однако для Никоса и Элени Казандзакисов он все же остается немецким солдатом, чьи товарищи по оружию терзали их родную Грецию. Высокомерный донельзя, Юнгер усугубляет ситуацию, спутав Казандзакиса с другим греком — обитателем Антиба, Кастанакисом. За ужином, когда автор “Грека Зорбы” произносит пылкую отличительную речь против нацистских зверств на его родине, Юнгер теряет дар речи. Воцаряется ледяное молчание. Казандзакис неохотно соглашается с тем, что Юнгер как физически, так и интеллектуально личность весьма интересная, но описывает его в весьма нелестных выражениях: “Худой, подвижный, седоватый. Циничный и склонный к иронии, очень жесткий — типичный немец. Эгоист и остряк. Легко смеется, но только кончиками губ, иронически и недобро”. Банин, считающая Юнгера и Казандзакиса двумя “одинокими существами”, глубоко потрясена этим отзывом.

Зато с другим антибским изгнанником-греком, Трассо Кастанакисом, Юнгер ладит превосходно. Правду сказать, Кастанакис — полная противоположность его другу Казандзакису, чей стоицизм и яростное стремление к абсолюту он не принимает всерьез. Францисканская бедность и буддистская атараксия ровно ничего для него не значат. Он любит жизнь как истый эпикуреец, наслаждается всем, что видит, шутит и шалит, как школьник. В его обществе Юнгер хохочет от души. Они обмениваются кухонными рецептами и готовят друг другу лакомые блюда. Бывший солдат, не согнувший головы под огнем пушек и пулеметов, сдается перед аппетитным жаром буйабеса, которым потчует его Кастанакис. Немецкое воспоминание об этом угощении он сохранит на всю жизнь.

Антиб стал возвращенным раем для этого немца, влюбившегося, как Гёте, в Средиземноморье. Он изливает самые яркие свои впечатления в “Антибском полудне”; этот текст, напоенный одинокой радостью, позже войдет в его “Одинокого созерцателя”.

Обитателям виллы “Манолита” в конце концов надоедает неудобное расположение комнат и удаленность от парка Са-

рамантель. В 1953 году Никос и Элени приобретают небольшой трехэтажный домик в старом городе — № 8 по улице Ба-Кастеле. В июне 1954-го Казандзакисы переезжают в этот “Koukouli” (кокон), малюсенький, как спичечный коробок. Никос располагается на втором этаже с балконом, увитым виноградными лозами, откуда видно море; здесь он пишет и принимает посетителей, которые держат его в курсе того, что о нем пишут и говорят. Из-за нескольких страниц “Капитана Михалиса” греческая церковь решила предать его анафеме. Ватикан, не желая отставать, наложил запрет на его “Последнее искушение”. Никос пишет из Антиба своему верному другу Панделису Превелакису: “Неужели Греция так низко пала в интеллектуальном и моральном отношении, что считает меня низким, бесстыжим предателем? Я думаю, христианская церковь изгонит меня из своих пределов; что ж, я испытываю радость, гордость и чувство великой свободы; мне приятно видеть, как они атакуют и изничтожают мою тень”.

“Тень”... именно это слово напрашивается теперь при виде истаявшего Никоса Казандзакиса, уже почти бессильного сопротивляться болезни. Тем не менее он находит в себе силы написать, сидя лицом к морю, еще две книги, такие же прекрасные, как и все предыдущие, — “Ассизский бедняк” и незабываемое “Письмо к Греку”, духовное завещание, истинная вершина его творчества. Он умирает 24 октября 1957 года, через два дня после того, как происки греческого правительства помешали присуждению ему Нобелевской премии. Зато Юнгер, этот бессменный часовой века, сломится под тяжестью прожитых лет только 27 февраля 1998 года, отдав Богу душу в возрасте ста двух лет и десяти месяцев!

А тогда, в пятидесятые годы, нескончаемая вереница писателей пользуется щедрым гостеприимством Флоренс Гульд, которая радушно открывает перед ними, по первой же просьбе, двери “Вижи”, маленького особнячка в неоготическом стиле, построенного в 1912 году в Жуан-ле-Пене одной англичанкой, пылкой почитательницей Вальтера Скотта. Здесь живут — работая или бездельничая — Пьер Бенуа, Жан Полан, Марсель Жуандо, Анри Тома, Жюль Руа (последний называет Флоренс “жестокосердной женщиной, коллекционирующей любовников, как картины или комнатных собачек”), Доминик Ори, который тайком дарит ей с посвящением единственный экземпляр “Златой истории”, не говоря уж об Андре Жиде, позволившем себе весьма вольно флиртовать с двумя местными юношами. Полагая себя надежно защищенным своей Нобелевской премией, он мало беспокоит-

ся о последствиях. Нужно ли объяснять, что именно Флоренс удержала его от рокового шага. К этой интимной компании примыкают и другие писатели: в “Вижи” по-соседски навещается Кокто; Одиберти, лишившийся пристанища на прекрасной антибской вилле, охотно пользуется гостеприимством хозяйки; Доминик Ролен становится пансионером отеля. Многие еще приедут сюда. Флоренс Гульд, обаятельная, энергичная, простая и безгранично щедрая, превращает Жуан-ле-Пен в интеллектуальную столицу — увы, эфемерную, как все, что касается интеллекта. Флоренс Великодушная, как окрестил ее Джеймс де Кокет, ушла из жизни 18 февраля 1983 года, унеся с собой целый мир, о котором мы бесконечно сожалеем, — я имею в виду тех из нас, кому выпало счастье знать эту нашу, действительно великодушную, хозяйку и повелительницу.

В некотором роде Большая литературная премия города Антиба имени Жака Одиберти, утвержденная в 1989 году, продолжает традицию, чьей щедрой и пламенной вдохновительницей была Флоренс Гульд. “Вижи” больше не существует, но “Зеленые дубы” и “Eden Roc” ежегодно принимают множество писателей, членов литературных жюри, лауреатов или просто почетных гостей; здесь побывали Мишель Деон, Луи Нюсерá, Рауль Милль, Мишель Мор, Морис Дрюон, Жан-Кристоф Рюфен, Жан-Филипп Арру-Виньо, Мари-Луиза Одиберти, Лоренс Даррелл, Жак Лакарьер, Жаклин де Ромильи, Патрик Ли Фермор, Ориана Фаллачи, Фелисьер Марсо, Альбер Коссери, Фернандо Аррабаль, Антонио Табукки, Доминик Фернандез, Жан Распай, Амин Маалуф. Все они сделали бы честь двору королевы Флоренс, чья восторженная улыбка, чудится мне, временами озаряет эти дружеские современные агапы.

И, наконец, коротко о моих дорогих англичанах, этих вечных Робинзонах, удалившихся от Альбиона и, однако, остающихся такими стопроцентными британцами, что не устаешь восхищаться железной невозмутимостью соотечественников старика Селкирка, вдохновившего Дефо на его знаменитый роман.

В Антибе бывали проездом Арнольд Беннетт, Норман Дуглас и Сомерсет Моэм; этот последний останавливался в “Гранд-отель дю Кап”, атмосфера которого вдохновила его на саркастическую новеллу под названием “Три толстых дамы из Антиба”.

Приступ астмы и эмфизема помешали Лоренсу Дарреллу приехать и лично получить литературную премию, которую мы ему присудили; автор “Александрийского квартета” напи-

сал мне по-французски послание, которое я бережно храню до сих пор: “В возрасте примерно пятнадцати лет, — пишет Даррелл, — мне довелось посетить ваш прелестный город; я сопровождал туда свою тетушку Мюриэл, единственную respectable особу среди прочих моих теток. Ницца и Антиб славились в те времена великолепием своих парков. Моя тетушка желала любой ценой раздобыть черный пион для своей цветочной коллекции. Она готова была пойти на кражу и даже привезла с собой для этой цели садовую лопатку. И хотя, как вы догадываетесь, тетя не была профессиональной воровкой, она, подобно множеству respectable дам того времени, абсолютно теряла голову при виде цветочных клумб. К великому счастью, мы так и не нашли черных пионов, что избавило мою тетушку от совершения преступного деяния. Однако эпизод этот запечатлелся в моей памяти наряду с любовью к цветам, как к величайшим драгоценностям, достойным похищения. Я никогда не забуду эти минуты, и даже сейчас, при всяком упоминании Антиба, вижу все так ясно, словно это было только вчера... Следующая поэма, которую я напишу, будет посвящена Антибу”. Увы, смерть не позволила ему осуществить этот замысел. Ларри ушел в райские кущи, где его встретят Жюстина, Клеа, Маунтлив и Балтазар¹.

Не могу не упомянуть в этой пестрой веренице еще две в высшей степени противоречивые фигуры — Грэма Грина и Энтони Бёрджесса, поскольку имел честь дружить с ними обоими.

В 1946 году Грэм Грин проводит несколько дней в Антибе, по приглашению своего друга, кинопродюсера и режиссера Александра Корда, у которого стоит здесь, в порту, яхта. Маленький городок очень нравится ему. Он собирается купить домик за крепостной стеной. Эта мысль вновь посещает его, когда друзья, с которыми он познакомился в Африке, поселяются в Жуан-ле-Пене. В 1961 году врачи предписали ему теплый климат, чтобы залечить остатки пневмонии, подхваченной в России, и он принимает решение каждый год проводить два зимних месяца в году в Антибе. Затем, утомленный бесконечными переездами между Англией и Лазурным Берегом, автор “Силы и славы” покупает небольшую квартиру на пятом этаже “Résidence des fleurs”² на улице Пастера и переселяется туда из Лондона в декабре 1966 года.

1. Персонажи книг Л. Даррелла.
2. “Дома цветов” (франц.).

В течение последующих двадцати пяти лет Грэм будет писать здесь, сидя лицом к морю и к Фор-Карре, обязательные триста слов в день (иногда больше, иногда меньше) своим мелким неразборчивым почерком; в результате рождаются интереснейшие, увлекательные книги, такие как “Одолжите мне своего мужа!”, где действие двух первых новелл, изысканно-аморальных, происходит в “Ройял-отеле” и в ресторане “У Феликса”, а также “Путешествия с тетушкой”, “Часть жизни”, “Почетный консул” (который он считал своим лучшим романом), “Человеческий фактор”, “Пути спасения”, восхитительный “Монсеньор Кихот”, “Капитан и враг” и другие.

Его высокую, чуть сутулую фигуру часто можно было увидеть возле газетного киоска на улице Обернон или за окном ресторана “У Феликса”, где он почти всегда обедал, увлеченно читая книгу или беседуя с бесчисленными посетителями, невольно вызывавший вопрос: к какой части многослойной жизни бывшего секретного агента они могли иметь отношение? Перед тем как покинуть “Résidence des fleurs” и уехать в швейцарскую клинику, где он умер 3 апреля 1991 года, Грин признался одному из друзей: “Я был счастлив в Антибе, это единственный город, в котором я мог жить”.

Энтони Бёрджесс не был обитателем Антиба. Своим местом жительства он выбрал Монако. Но, несмотря на это, я объединяю его и с Грэмом, и с Антибом. Уже не помню, под каким предлогом я пригласил их обоих в Кап. Но вот передо мной лежит фотография, сделанная в “Eden Roc”: Грэм чуть заметно улыбается своей скупой, недоброй улыбкой, а Бёрджесс, с взлохмаченной шевелюрой, позирует, держа на виду, между пальцами, свою вечную тонкую сигару; я же, стоя между ними, выгляжу вулканологом, с нарочитой беззаботностью следящим за опасными дымками, возвещающими скорое извержение.

Трудно поверить, что Ривьера была слишком тесна для двоих таких “священных чудовищ”. Тем не менее Грэм и Энтони искренне ненавидели друг друга и встречались крайне редко. Марксист, конечно, объяснил бы эту вражду классовыми различиями. Этнолог постарался бы доказать, что Грэм, этот чистокровный британец, был приверженцем литот и эвфемизмов, тогда как Энтони, более чем наполовину ирландец, очень любил, потехи ради, изображать фигляра и пускаться на самые рискованные лексические эскапады. Они были литературными антиподами: первый молился на Генри Джеймса, второй — на Джеймса Джойса. Грэм утверждал, что книги Энтони невозможно читать без словаря под рукой; он крайне подозрительно относился к лексическим вывертам и

словоизвержениям своего младшего собрата по перу, а курсы этого последнего в область науки казались ему и вовсе не внушающими доверия. И хотя оба они были католиками, даже религия разделяла их. Энтони очень нравилось заявлять, что он родился католиком, тогда как Грэм был новообращенным, со всей сопутствующей этому теологической нетерпимостью; Бёрджесс обвинял Грина в том, что тот исповедовал янсенизм и в глубине души остался янсенистом.

Даже внешне они были совершенно разными. Грэм, похожий на стареющего Гэри Купера, со своей полуулыбкой в уголке рта и скупыми жестами, напоминал обманчиво спокойный остров. Энтони же, всегда растрепанный, с бурной речью и бешеной жестикуляцией, был подобен циклону, все сметающему на своем пути.

И все же я соединяю их в одном общем воспоминании. Разве не были они оба, наряду с Казандзакисом и Дарреллом, самыми знаменитыми литераторами, так и не получившими Нобелевской премии, каковой факт лишь доказал упрямую непоследовательность Нобелевского комитета по литературе!

Оба они любили Францию, а еще больше — свободу, которую обрели, бежав из Англии. Этого им не простили до сих пор, если судить по ядовитым насмешкам в адрес Грэма Грина; я уж не говорю о той пренебрежительной жалости, с которой ныне говорят о книгах Энтони Бёрджесса в некоторых лондонских литературных кружках. И тот и другой были одержимы постоянством зла. “Нашей страстью было стремление балансировать по самому краю сущего”, — говорил Грин, цитируя Браунинга. И каждый из них описывал на свой манер “человека последних дней”, возвещенного Ницше.

Последние представители славной когорты англоязычных писателей, которых Лазурный Берег в целом и Антиб в частности могут с гордостью назвать в числе своих гостей, так и не нашли достойных последователей на берегу этого “животворящего моря, исторического будущего человечества”, о котором Бёрджесс говорит нам, что оно воплощает в себе, еще и сегодня, последнюю надежду людей.

Я вдруг понимаю, что список тех, кто ушел из жизни и кто был мне дорог, снова удлиняется: пока я писал эти строки, к Рене-Жану, Грэму и Энтони присоединился Луи Нюсера, погибший год тому назад под колесами автомобиля на дороге в Каррос.

Вспоминаю, как он стоял у ворот отеля “Зеленые дубы” в мерцающем, наподобие светлячка, спортивном костюме, держа за руль свой велосипед, с широкой сияющей улыбкой.

Он приезжал, чтобы обнять нас, рассказать историю, услышанную тем же утром, и выпить стакан воды. Проходя по паркету отеля, он ковылял, как краб, стараясь не поцарапать полировку шипами спортивных башмаков. Однажды он сказал мне: “Кончено, больше я в Кап не приеду. Машины носятся как сумасшедшие, ездить на велосипеде стало слишком опасно”.

Вспоминается мне, как одним дождливым мартовским вечером 1984 года несколько преданных друзей Жака Одиберти собрались на улице Сент-Эспри, чтобы отдать долг его памяти и открыть мемориальную доску на стене дома у крепостной стены, где он родился. Нюсера произнес самую прекрасную свою речь, настоящую речь антибца, чьи заключительные слова вполне в его характере, ибо он не ждал от будущего ничего хорошего; эти слова постоянно всплывают в моей памяти: “Должны ли мы быть счастливы, видя эти знаки признательности города? Без сомнения. И все же нас гнетет ностальгия, словно, что бы мы ни делали, печаль всегда оставляет за собой последнее слово”.